

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО В. В. РУДНЕВУ ОБЪ ОТДѢЛЕНІИ ЦЕРКВИ ОТЪ ГОСУДАРСТВА*)

Милостивый Государь,

Господинъ Рудневъ.

Ваша статья «Религія и социализмъ», помѣщенная въ кн. 37 журнала «Совр. Записки», будить рядъ мыслей, которыми я хотѣлъ бы подѣлиться съ Вами, а также и со всѣми, для кого рѣшеніе вопросовъ, связанныхъ съ отношеніями церкви и государства, не заключается въ фразѣ: «религія опиумъ для народа, средство для его эксплуатаціи»

Скажу откровенно: мнѣ кажется, что Вы не достигли цѣли въ своемъ стремленіи снять рядъ противорѣчій, предвзятостей и просто вопіющихъ несправедливостей, которыми полны всѣ современныя попытки, какъ теоретическаго, такъ и практическаго рѣшенія даннаго вопроса, взятаго въ широкой плоскости общественно-политическихъ отношеній. Больше того, благодаря Вашему положенію религіозно настроеннаго социалиста и искреннему желанію найти наиболѣе объективное и равно пріемлемое для всѣхъ и вѣрующихъ, и не вѣрующихъ рѣшеніе даннаго вопроса, мы обязаны тому, что именно въ Вашемъ изложеніи очень ярко и выпукло обрисовались всѣ тѣ глубокія и непримиримыя противорѣчія, которыя лежатъ въ основѣ проблемы отношеній церкви и государства въ ея современномъ оформленіи.

Основное принципиальное положеніе, являющееся исход-

*) Редакція печатаетъ интересное по своей проблематикѣ письмо Н. Сарафанова въ порядкѣ дискусіонномъ. Редакція.

нымъ пунктомъ при рѣшеніи данной проблемы, заключается въ требованіи полной свободы духовной дѣятельности человека, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Причемъ «религіозная свобода», говоря Вашими словами, «есть лишь частный видъ общей свободы совѣсти, свободы мнѣнія». Спорить, доказывать справедливость и практическую цѣлесообразность такого требованія значило бы ломиться въ открытую дверь, настолько оно ясно для каждаго искренне и честно мыслящаго человека. Но вся эта ясность и убѣдительность сразу же пропадаетъ, когда мы переходимъ къ другому, основному же, положенію, которое почитается вытекающимъ логически изъ перваго и которое Вы формулируете въ слѣдующей, Вами подчеркнутой фразѣ: «мы стоимъ за послѣдовательно проведенное и полное отдѣленіе государства отъ церкви и за отдѣленіе церкви отъ государства.» (стр. 416).

Начну съ чисто формальнаго возраженія, которое само напрашивается при чтеніи вышеуказаннаго тезиса, и которое на мой взглядъ имѣетъ громадное значеніе, какъ для постановки, такъ и для рѣшенія настоящей проблемы.

Признавая всю очевидную законность требованія свободы въ дѣлахъ совѣсти: считая безспорнымъ право человека на свободное мнѣніе, на свободу во всемъ томъ, что касается духовной стороны человѣческой сущности, все же странно слышать рѣчи объ отдѣленіи церкви отъ государства, если конечно подъ церковью разумѣть вообще всякій духовный союзъ, всякое объединеніе на основѣ общаго міросозерцанія, а не только какой либо частный видъ этихъ союзовъ и понятію «государство» въ свою очередь не придавать какого либо специфическаго или совершенно новаго значенія.

Возникаетъ вполне естественный и законный вопросъ: возможно ли вообще говорить объ отдѣленіи церкви отъ государства и государства отъ церкви? Не кроется ли здѣсь глубокое и богатое нежелательными послѣдствіями недоразумѣніе?

Что это именно такъ, что такая формулировка проблемы основана на какомъ то странномъ недоразумѣніи, мы легко убѣждаемся при первой и самой поверхностной попыткѣ анализа понятій церкви и государства, и становимся передъ абсолютной невозможностью отдѣлить ихъ другъ отъ друга.

Противопоставляя государство церкви, какъ союзъ свѣтскій союзу духовному, мы имѣемъ дѣло не съ двумя объективно данными различными и отдѣльными существами, а всего лишь съ формальнымъ, чисто субъективнымъ раздѣленіемъ дѣятельностей одного и того же человѣческаго обще-

ства: вполнѣ подобное тому, какъ въ индивидуальной чело-вѣческой личности мы раздѣляемъ духовную ея сторону отъ физической, которая нигдѣ не даны и не могутъ быть даны въ раздѣльности. Если не мыслимъ индивидуальный чело-вѣческой организмъ съ однимъ тѣломъ безъ духа или съ однимъ духомъ безъ тѣла, то столь же мало возможенъ и социальный живой и дѣятельный организмъ съ одною физическою, лишенною всего духовнаго, дѣятельностью или, наоборотъ, проявляющей одну духовную дѣятельность не воплощаемую ни во что матеріальное.

Социальное общество, построенное исключительно на связи физической., объединенное только матеріальнымъ интересомъ внѣ какой бы то ни было духовной связи, будетъ не живой социальный организмъ, а машина — механическое соединеніе бездушныхъ маріонетокъ. Равнымъ образомъ и общество, связанное только одною духовною связью, лишненное возможности воплотить эту духовную связь въ планъ физическомъ, будетъ лишено реальности, не будетъ имѣть никакого значенія и смысла въ дѣйствительной жизни.

Такимъ образомъ, если подѣ понятіемъ «г о с у д а р - с т в о» разумѣть живое органически связанное социальное цѣлое: связанное одновременно и внѣшне мѣстомъ, временемъ и общимъ практическимъ интересомъ, и внутренне общимъ духовнымъ устремленіемъ, то становится болѣе чѣмъ очевидно, что не только не можетъ бытъ рѣчи объ отдѣленіи отъ та-кого государства церкви, духовнаго единства гражданъ, но невозможно и простое противоположеніе ихъ другъ къ другу, не лишая въ то же время это государство самой необходимой и самой прочной внутренней духовной связи, не умервщляя его.

Единственное и логически и практически возможное противоположеніе вытекающее изъ формальнаго раздѣленія духовныхъ и матеріальныхъ интересовъ и дѣятельностей, заключа-ется въ формальномъ же противоположеніи в н у т р и г о - с у д а р с т в а общества свѣтскаго, преслѣдующаго ма-теріальные интересы и цѣли, обществу духовному — церкви (въ широкомъ смыслѣ этого слова), ставящему своей цѣлью интересы исключительно духовные. Союзъ духовный — церковь и союзъ свѣтскій — гражданское общество (свѣт-ское) всегда находятся и будутъ находится въ г о с у д а р - с т в ѣ, необходимо заключающемъ въ самомъ себѣ и то и другое, двѣ различныя функціи одного и того же цѣлаго, какъ двѣ неизбежныя связи, которыя вяжутъ различно, но не различное.

Государство, построенное исключительно на связи ма-

теріальной, лишенное духовнаго единенія, такъже мало мыслимо, какъ и государство, построенное исключительно на одной духовной связи, при полномъ отсутствіи общности интересовъ матеріальныхъ.

Учитывая все сказанное и оставаясь въ предѣлахъ логики и здраваго смысла, нельзя не признать, что при рѣшеніи данной проблемы не можетъ быть и рѣчи объ отдѣленіи церкви отъ государства, а можно и должно говорить лишь о раздѣленіи въ предѣлахъ государства духовнаго и свѣтскаго водительства, т. е. говоря точнѣе, объ отдѣленіи церкви не отъ государства, а всего лишь только отъ гражданской государственной власти, требуя отъ послѣдней полного невмѣшательства въ духовную жизнь гражданъ и предоставляя ей полное право вязать и рѣшать во всемъ томъ, что относится къ области матеріальныхъ интересовъ, нуждъ и связей этихъ гражданъ государства. Только такое раздѣленіе способно гарантировать подлинную свободу совѣсти, свободу мнѣній и сдѣлать невозможными тѣ опасные и тяжкіе перегибы, которые столь хорошо могутъ быть иллюстрированы цѣлымъ рядомъ примѣровъ изъ жизни современныхъ демократическихъ и т. н. секуляризованныхъ государствъ.

Защищая это столь ясное, на мой взглядъ, положеніе все же возможно встрѣтиться со слѣдующимъ возраженіемъ. Защитники проблемы въ ея современномъ оформленіи могутъ сказать, что свѣтская государственная власть не можетъ ограничить свою дѣятельность областью исключительно матеріальныхъ интересовъ и задачъ, лишитъ себя идейнаго содержания, а потому и всякаго духовнаго авторитета въ глазахъ гражданъ государства.

Что государственная свѣтская власть не можетъ отказаться отъ руководства духовной стороной дѣятельности гражданъ, не можетъ предоставить имъ свободы въ этой области, это каждый можетъ хорошо видѣть на примѣрѣ современныхъ секуляризованныхъ государствъ. Но тѣмъ не менѣе свѣтская государственная власть должна это сдѣлать, если только подъ словомъ «духовный» не разумѣть исключительно религіозныхъ устремленій и если она искренне, а не на словахъ только исповѣдуетъ ею же провозглашаемый принципъ духовной свободы, свободы совѣсти. Въ противномъ случаѣ свѣтская государственная власть, естественно заинтересованная въ возможно большемъ единствѣ и цѣлости государственнаго образованія и сталкиваясь съ фактической пестротой духовныхъ устремленій гражданъ, съ наличіемъ внутри государства различныхъ и по своему существу антагонистическихъ міросозер-

цаній, — эта государственная власть столь же естественно и неизб'жно будетъ стремиться къ объединенію гражданъ на основѣ своего собственнаго міровоззрѣнія, пользуясь, для этой цѣли, всей, имѣющейсѣ въ ея распоряженіи силой государственнаго принужденія.

Законность и практическая цѣлесообразность непріятнаго для свѣтской государственной власти требованія абсолютнаго невмѣшательства во все то, что связано съ духовной стороной дѣятельности человѣка, требованія полнаго и искренняго равнодушія къ духовному облику гражданъ, отстраненія отъ всего того, что выходитъ за предѣлы чисто матеріальныхъ интересовъ, становится еще болѣе ясной и несомненной въ свѣтѣ слѣдующаго объективнаго факта.

Современное государство, очерченное точными и ясными физическими границами, болѣе или менѣе прочно связанное сознаниемъ общности матеріальныхъ интересовъ его частей, какъ индивидуальныхъ такъ и соціальныхъ, въ отношеніи духовныхъ устремленій далеко не представляетъ идеальнаго союза, объединеннаго въ одно органическое цѣлое единымъ и общимъ для всѣхъ міросозерцаниемъ, а являетъ собою весьма непрочное и вынужденное сожительство весьма различныхъ міросозерцательныхъ объединеній. Эти міросозерцательныя объединенія, иначе говоря церкви, духовные союзы все тѣхъ же гражданъ, признавая единое руководство въ области гражданскихъ утилитарныхъ отношеній и интересовъ, т. е., общую всѣмъ имъ свѣтскую государственную власть, въ то же время, естественно лишены возможности принять такое же единое, общее для всѣхъ, духовное водительство — духовную власть.

Свѣтская государственная власть, явившаяся результатомъ наличія общности весьма сложныхъ матеріальныхъ интересовъ и цѣлей, сильная и авторитетная при исполненіи единой воли гражданъ государства, можетъ успѣшно дѣйствовать только тамъ, гдѣ это единство есть налично, т. е., въ области матеріальнаго интереса, но въ то же время ей неоткуда получить полномочія для дѣйствій въ той области, въ которой фактически не существуетъ никакого единства и гдѣ поэтому не можетъ быть и рѣчи о единой волѣ, т. е., въ области духовнаго дѣланія.

Единый пастырь можетъ быть лишь тамъ, гдѣ есть единство паствы, гдѣ есть единство интересовъ, стремленій и цѣлей.

Вотъ почему всякая попытка современной государственной власти руководить и законодательствовать въ области духовной дѣятельности гражданъ, какими бы высокими принципами она ни воодушевлялась

въ силу ея прирожденной однобокости всегда приводит и будетъ приводить къ насилію, преслѣдованію однихъ и покровительству другимъ, къ полному попраію ею же самою возвѣщаемаго принципа свободы въ дѣлахъ духа.

Вотъ почему и находится въ полномъ согласіи съ объективными условіями современной соціальной жизни требованіе отъ государственной власти ея свѣтскости, ея полного и искренняго отказа отъ всякаго вмѣшательства въ духовную жизнь гражданъ государства, замѣнивъ собою по существу невыполнимое и логически абсурдное требованіе с в ѣ т с к а - г о г о с у д а р с т в а , которое будетъ такимъ каково оно есть и существованіе котораго невозможно безъ единовременнаго наличія какъ матеріальной (физической), такъ равно и духовной связей.

Наивно было бы думать, что сторонники «отдѣленія церкви отъ государства», случайно допустивъ терминологическую неточность, на самомъ дѣлѣ стремятся лишь къ формальному ихъ раздѣленію, т. е., къ отдѣленію церкви отъ государственной власти въ цѣляхъ огражденія духовной свободы гражданъ государства, что повторяю, вполне логично и естественно вытекаетъ изъ признанія принципа свободы въ дѣлахъ совѣсти. Но въ томъ то и дѣло, что отмѣченное смѣшеніе понятій далеко не случайно и не такъ ужъ невинно, какъ это можетъ показаться на первый взглядъ. Благодаря такой произвольной игрѣ понятіями «г о с у д а р - с т в о» и «государственная власть» достигается возможность тамъ гдѣ нужно отождествлять послѣднюю съ первымъ и защищать частные интересы случайной группы временныхъ властителей (ибо власть мѣняется, а государство остается) подъ видомъ общегосударственныхъ.

Не говоря уже о томъ, что отождествляя самое себя съ государствомъ, государственная власть тѣмъ самымъ превращается изъ слуги государства и исполнителя его воли въ самодержавнаго владыку, которому уже ничто не можетъ быть противопоставлено, какъ нѣчто высшее, такое отождествленіе въ свою очередь даетъ широкую возможность прикрываясь знаменемъ борьбы за свободу, за право человѣка имѣть свое собственное мнѣніе, использовать всю силу государственнаго аппарата для борьбы съ неугодными власти духовными союзами гражданъ, исповѣдующими положительныя религіи, а въ частности и главнымъ образомъ для борьбы противъ христіанской церкви.

Союзы полноправныхъ гражданъ объединенные религіознымъ міросозерцаніемъ, къ которымъ, кстати сказать, всюду принадлежитъ подавляющее большинство гражданъ

государства, во имя «свободы и равенства» путем цѣлаго ряда правовыхъ ограниченій медленно, но вѣрно превращаются въ союзы тѣней, въ союзы безплотныхъ духовъ, лишенныхъ всякой связи съ землей, а потому и всякаго значенія въ реальной жизни, — въ жизни своего государства.

Эта глубокая внутренняя ложь современной установки данной проблемы въ конечномъ счетѣ не можетъ не приводить въ сторону прямо противоположную тѣмъ лозунгамъ, которые красуются на знаменахъ т. н. передовой современной демократіи, т. е., къ полному и послѣдовательному нарушенію принципа свободы совѣсти, къ насильственному господству одной опредѣленной церкви воинствующаго атеизма, къ утвержденію въ новыхъ формахъ средневѣковаго государства, когда духовное и гражданское руководство были сосредоточены въ однѣхъ рукахъ.

Яркимъ примѣромъ такого возврата къ средневѣковью можетъ служить совѣтская Россія: причемъ это явленіе далеко не «страшный срывъ русскихъ марксистовъ», а вполне естественное и логически закончѣнное завершеніе въ корнѣ порочной и неискренней идеи отдѣленія церкви отъ государства, съ такимъ воодушевленіемъ до сего дня исповѣдуемой на всемъ широкомъ демократическомъ фронтѣ.

Справедливость всего сказаннаго выше и полное отсутствіе въ развиваемомъ мною взглядѣ и тѣни какого бы то ни было преувеличенія или предвзятости становятся безспорными для каждаго при первомъ ознакомленіи хотя бы съ программой австрійскихъ социаль-демократовъ, которая — какъ Вы утверждаете — «взятая сама по себѣ отдѣльно отъ предпосланнаго ей теоретическаго обоснованія и сопровождающихъ ее официозныхъ комментариевъ, съ нашей точки зрѣнія в п о л н ѣ п р і е м л е м а» (подч. Вами, стр. 421) и которая въ тоже время, съ моей точки зрѣнія, прекрасно показываетъ куда направлено остріе «меча» этихъ «борцовъ за свободу».

Въ первыхъ трехъ строчкахъ приводимаго Вами отрывка программы вполне ясно и опредѣленно говорится: «В с ѣ м і р о с о з е р ц а т е л ь н ы я у ч е н і я (религіи, философскія и научныя доктрины всякаго рода) пользуются равноправіемъ передъ закономъ». (подч. Вами, стр. 421).

Что можно на это возразить? Подъ такимъ яснымъ и недвусмысленнымъ заявленіемъ свободно подпишется каждый искренній сторонникъ духовной свободы человѣка. Но если мы повѣримъ въ честность этихъ словъ, если мы будемъ думать, что столь опредѣленное заявленіе можетъ обязывать къ чему либо авторовъ программы, мы глубоко ошибемся и окажемся весьма наивными. Ибо всего лишь на продолженіи

тринадцати послѣдующихъ строкъ; безъ всякихъ комментаріевъ, путемъ грубой передержки только что объявленное равноправіе всѣхъ религій, философскихъ и научныхъ доктринъ совершенно упраздняется, какъ будто о немъ не было и рѣчи и утверждается полное безправіе, полный и явный произволъ.

Дальше говорится: «Всѣ міросозерцательныя объединенія являются частно-правовыми союзами. Они управляютъ своими дѣлами и назначаютъ своихъ должностныхъ лицъ сами, безъ содѣйствія государства. Они сами оплачиваютъ расходы по управленію и по отправленію культа, по преподаванію міросозерцанія (религіозному обученію), по подготовкѣ и содержанию духовенства и преподавателей религіозныхъ (?) предметовъ. Помощь для всѣхъ этихъ цѣлей изъ государственныхъ средствъ недопустима.» (подч. мною).

Разрѣшите спросить: во имя какой справедливости и на основаніи какой логики, при помощи маленькаго взятаго въ скобки разъясненія изъ всѣхъ «равноправныхъ» міросозерцаній избирается только одно религіозное и противъ его одного направляются всѣ столь тяжкія правовыя ограниченія? Почему только одинъ преподаватель религіознаго міросозерцанія лишается права на помощь изъ государственныхъ средствъ? Почему, напримѣръ, русскій юноша будетъ знакомиться съ міросозерцаніемъ Дарвина, Руссо, Гегеля, Канта, Маркса и др. въ государственныхъ школахъ и за государственный счетъ, а для знакомства съ міросозерцаніемъ своего родного народа, основной его массы, долженъ будетъ искать мѣста въ кустахъ или подъ заборомъ, приобрѣтая пособія изъ «маминыхъ» средствъ?

Во имя какой высокой правды только для религіознаго союза даже въ томъ случаѣ, если онъ объединяетъ собою подавляющее большинство гражданъ государства, государственная власть, обладая всѣми ресурсами страны, не только не проявитъ, но и лишена права проявить малѣйшую тѣнь заботливости?

Смыслъ этой, помѣщенной въ скобки, маленькой оговорки слишкомъ прозраченъ. Не будь ея, запрещеніе оказывать помощь изъ государственныхъ средствъ духовнымъ нуждамъ гражданъ, согласно съ естественными законами логики, должно было бы распространяться на всѣ міросозерцательныя объединенія. Изъ школьныхъ программъ пришлось бы тогда исключить все, что не имѣетъ прямого отношенія къ преподаванію чисто практическихъ знаній, а изъ «системы универ-

ситетской школы» оказалось бы изъятой не только теология, какъ это значитъся въ разбираемой программѣ, но и вообще всякая философія, вплоть до философіи «святого» Маркса. Преподаваніе въ государственныхъ школахъ современной социологии, какъ несомнѣнно міросозерцательной доктрины, стало бы недопустимымъ, а всѣ т. н. историко-философскіе факультеты пришлось бы свести къ роли краткаго курса необходимаго для усвоенія сухого перечня историческихъ событій и литературныхъ памятниковъ, такъ какъ все, что свѣше сего, есть уже философія, есть уже преподаваніе міросозерцанія. Такимъ образомъ весь запасъ самыхъ цѣнныхъ достиженій человѣческаго духа былъ бы принужденъ искать себѣ пріюта въ частныхъ школахъ, создаваемыхъ на добровольныя приношенія членовъ частно-правовыхъ міросозерцательныхъ объединеній. Что же касается средствъ государственныхъ, то таковыя очевидно расходовались бы властью исключительно на преподаваніе арифметики и чистописанія въ низшихъ и математики, физики, химіи, механики и ученія о подшипникахъ въ среднихъ и высшихъ школахъ.

На самомъ дѣлѣ этого, конечно, нѣтъ и быть не можетъ. Духовная связь и міросозерцательныя объединенія есть необходимое условіе жизни всякаго общества, всякаго социального организма, а въ томъ числѣ и государства. Духовныя объединенія не могутъ быть вынесены за предѣлы государства — отдѣлены отъ него. Это мѣсто свято и не можетъ быть пусто. Отказъ отъ одного міросозерцанія сейчасъ же требуетъ признанія другого. Составители Линцской программы прекрасно это понимаютъ и знаютъ, куда приведетъ логически послѣдовательное и искреннее раскрытіе лозунга — «отдѣленіе церкви отъ государства» чѣмъ грозитъ возложеніе на частное попеченіе всѣхъ безъ исключенія духовныхъ нуждъ гражданъ всякаго духовнаго творчества, а потому и выдѣляютъ изъ всѣхъ «равноправныхъ» міросозерцательныхъ ученій лишь негодныя, т. е., ученія религіозныя: направляя всю мощь государственныхъ средствъ исключительно на поддержку и обезпеченіе преподавателей и проповѣдниковъ угодныхъ власти міросозерцаній вродѣ марксизма, дарвинизма и т. п.

Ясно, что при такомъ положеніи уже не можетъ быть и рѣчи о «послѣдовательномъ и полномъ» раздѣленіи церкви и государства. Заманчивые лозунги о свободѣ совѣсти остаются на бумагѣ, а взамѣнъ всего этого съ циничной откровенностью осуществляется послѣдовательное и полное сліяніе духовной и свѣтской власти. Вопреки словеснымъ увѣреніямъ вся полнота государственной гражданской

власти, со всѣмъ ея аппаратомъ принужденія сосредотачивается въ рукахъ людей одного ясно выраженнаго міровозрѣнія — въ рукахъ служителей одного опредѣленнаго культа. Говоря иначе, подъ новой вывѣской возсоздается старый типъ средневѣковаго конфессіональнаго государства съ тою только разницею, что въ данномъ случаѣ гражданская власть находится въ подчиненіи у церкви, объединяющей собою самое ничтожное меньшинство гражданъ государства.

Кругъ замыкается, и если еще не горять костры новой инквизиціи, то недалеко уже время, когда въ большинствѣ т. н. передовыхъ, демократическихъ и просвѣщенныхъ государствъ во имя свободы совѣсти союзы «полноправныхъ» гражданъ, исповѣдующихъ положительныя религіи, будутъ лишены не только права входа въ государственныя учебно-воспитательныя учрежденія, какъ это широко практикуется сейчасъ, но въ цѣляхъ еще большаго «равенства» всѣхъ міросозерцаній передъ закономъ, имъ будетъ строжайше запрещено пользоваться и такими государственными учрежденіями, какъ почта, телеграфъ, пути сообщенія и т. д. Здѣсь будущая просвѣщенная гражданская власть можетъ пойти гораздо дальше, чѣмъ въ дѣлѣ воспитанія молодыхъ поколѣній и свободно предоставить религіознымъ общинамъ полное право оборудовать для своихъ религіозныхъ нуждъ и на свои средства и почту, и телеграфъ, и желѣзныя дороги. И тогда ужъ несомнѣнно воцарится духъ свободы, равенства и братской любви и прочно ляжетъ въ основаніе всей сложности социальныхъ отношеній «счастливаго» человѣческаго общества.

Предвижу Ваше возраженіе, что все это не можетъ относиться къ Вамъ — автору ст. «Религія и социализмъ». Вамъ хорошо извѣстно, что и тѣ жалкія слова о свободѣ и равенствѣ всѣхъ міросозерцаній, которыя еще сохранены въ Линцской программѣ, по авторитетному разъясненію ея комментаторовъ О. Бауера есть просто «тактической пріемъ» (?), чтобы обмануть «широкіе слои промышленнаго пролетаріата, сохраняющіе традиціонную преданность религіи и церкви» (примѣч. на стр. 423) и воспользоваться на выборахъ ихъ головами для прихода къ власти. Я пропускаю Ваши слова, гдѣ Вы говорите: «Охотно признаемъ, что практическая часть Линцской программы, взятая сама по себѣ, отдѣльно отъ предпосланнаго ей теоретическаго обоснованія и сопровождающихъ ее офиціозныхъ комментаріевъ, съ нашей точки зрѣнія вполне пріемлема» и вѣрю въ Ваше искреннее желаніе найти наиболее справедливое рѣшеніе проблемы, обезпечивъ незыблемость основного принципа: права человѣка на свободное отъ всякаго принужденія духовное развитіе.

И тѣмъ не менѣе нужно признать, что сила внутренней лжи современной постановки такова, что заставляетъ и Васъ безнадежно запутываться въ неизбывныхъ логическихъ противорѣчійхъ — одновременно утверждать и отрицать, отбирать лѣвой рукой то, что минуту назадъ дала правая.

Признавая незыблемымъ принципъ свободы совѣсти, утверждая, что «религіозная свобода лишь частный видъ этой общей свободы совѣсти, свободы мнѣнія», что «всякое правое государство основано на уваженіи къ этимъ началамъ» и наконецъ, что «правовое государство не имѣетъ никакой собственной доктрины религіозной или метафизической (стр. 416 и 417). Вы послѣ всего этого находите возможнымъ (на стр. 438) заявить: «государство не можетъ, конечно, оставаться равнодушнымъ къ тому, какъ складывается духовный обликъ будущихъ его гражданъ», впадая такимъ образомъ въ очевидное и нестерпимое логическое противорѣчіе.

Если мы будемъ искренни, то мы должны признать, что логика и здравый смыслъ требуютъ чего либо одного: или государство дѣйствительно не имѣетъ никакой собственной общеобязательной доктрины, никакого общаго міросозерцанія, но тогда оно должно оставаться равнодушнымъ къ духовному облику своихъ гражданъ, какъ настоящихъ, такъ равно и всякихъ будущихъ, или же государство не можетъ оставаться равнодушнымъ, но тогда оно очевидно имѣетъ свою опредѣленную доктрину, свое обязательное для гражданъ міросозерцаніе и всѣ слова о свободѣ совѣсти, свободѣ мнѣнія есть пустая, лишенная всякаго содержанія и смысла фраза.

Всѣ эти противорѣчія были бы невозможны, во всякомъ случаѣ они съ большею наглядностью выявили бы насильнической характеръ подобной «защиты свободы», если основное положеніе интересующей насъ проблемы формулировать не какъ требованіе объ отдѣленіи церкви отъ государства, а какъ требованіе объ отдѣленіи церкви (всякой какъ вѣрующихъ, такъ и невѣрующихъ) отъ государственной власти, которое будетъ заключаться въ обязанности этой послѣдней не вмѣшиваться въ духовную жизнь гражданъ государства и оставаться равнодушной къ тому, какъ складывается духовный обликъ гражданъ, какъ настоящихъ, такъ и всякихъ будущихъ, предоставивъ заботу о семь семьѣ и свободнымъ, опирающимся исключительно на силу духовнаго авторитета духовнымъ союзамъ, т. е., церквамъ.

Въ такомъ видѣ это требованіе закономерно, разумно, воистину демократично и цѣлесообразно. Ибо если мы только оставимъ

государственной свѣтской власти право на неравнодушіе къ духовному облику гражданъ и т. п. всякая власть безразлично, будь то единоличная или соборная, монархическая или республиканская — не можетъ не имѣть своего опредѣленнаго міросозерцанія, то она и воспользуется этимъ предоставленнымъ ей правомъ для утвержденія въ государствѣ господства своего міросозерцанія, используя для сей цѣли весь арсеналь, имѣющихся у нея у нея въ распоряженіи принудительныхъ мѣръ.

Заканчивая свои возраженія я хочу сказать еще нѣсколько словъ о томъ весьма популярномъ въ современной демократіи противоположеніи т. н. научнаго материализма и связаннаго съ нимъ атеизма, какъ опредѣленнаго міросозерцанія, міросозерцанію религіозному и въ частности — христіанскому.

Противопологая одно другому, современная демократія рекомендуетъ первое, какъ наиболѣе свободное, ничѣмъ внутри себя не связанное, какъ одно изъ самыхъ высокихъ проявленій свободнаго человѣческаго духа. Религіозное же (христіанское) міросозерцаніе обычно рисуется, какъ идеальный образецъ внутренней связанности, гдѣ свобода человѣческаго духа подавляется авторитетомъ мертваго, неподвижнаго догматизма, Исходя изъ такого взгляда и христіанская церковь, какъ общественный союзъ, мыслится союзомъ рабовъ или людей съ опредѣленно выраженной рабской психологіей, какъ покорное и безсознательное стадо, загнанное въ чужую ему и стѣснительную загородку. Прямой противоположностью этому союзу рабовъ въ современномъ сознаніи является «новая церковь» атеистовъ — безбожниковъ, свободный союзъ свободомыслящихъ, лишенный всякаго принужденія, не связанный никакимъ верховнымъ догматомъ.

Нужно признать, что и здѣсь, въ этомъ казалось бы не уязвимомъ своемъ пунктѣ, современная демократія также мало права, какъ и во всемъ остальномъ. Сопоставляя эти два духовные союза и анализируя элементы ихъ внутренней связи, мы легко убѣждаемся, что ужъ если искать свободы въ узахъ, то именно христіанская церковь имѣетъ всѣ основанія назваться свободнѣйшимъ изъ человѣческихъ обществъ. Обществомъ, гдѣ первобытная анархія и раздробленность человѣческихъ единицъ преодолевается и превращается въ свою антитезу: въ единство при помощи связи идеально чистой отъ всякой тѣни какого бы то ни было принужденія не только физическаго, но также и духовнаго.

Все христіанское міросозерцаніе всѣ основные его догматы построены на вѣрности, т. е. на свободномъ, абсолютно ничѣмъ невынужденномъ признаніи истин-

ности этихъ догмъ и вытекающаго изъ нихъ міросозерцанія. Христіанское міросозерцаніе свободно предлагаетъ себя каждому, ничего не доказывая и слѣдовательно, ничего не опровергая. Всякое знаніе съ его принудительнымъ характеромъ рѣшительно исключено изъ основъ этого міросозерцанія: ибо всѣ истины знанія находятся въ прямомъ противорѣчій со свободой — они п р и н у ж д а ю т ь насъ признавать себя за таковыхъ. Мы не можемъ свободно признать или не признать истину гласящую, что $2 \times 2 = 4$, но мы о б я з а н ы , мы вынуждены къ тому всею силою логики и вещей.

Чтобы войти членомъ въ христіанскую црковь нужно свободно увѣрять въ истину, которая никѣмъ и ничѣмъ не можетъ быть доказана, въ подтвержденіе которой не можетъ быть приведено никакого ,даже самаго логическаго доказательства. Разумъ человѣческой, который по слову апостола Павла — есть мерзость передъ Господомъ, именно въ силу его системы принудительныхъ доказательствъ, рѣшительно отвергается, какъ основа этого свободнѣйшаго изъ человѣческихъ союзовъ.

Разумъ съ его детерминизмомъ, съ его законами тождества и противорѣчія, причины и слѣдствія, не можетъ войти туда, гдѣ въ основу положена безграничная свобода вѣры и любви, не могущихъ знать никакой логики и неподчиненныхъ обязательнымъ для разума — закону достаточнаго основанія. Желать помощи разума въ дѣлахъ вѣры , прибѣгать къ его содѣйствію для укрѣпленія церкви свободнаго союза вѣрующихъ и любящихъ равноцѣнно тому, какъ если бы мы въ дѣлахъ нашей земной любви и любовнаго довѣрія прибѣгали къ помощи постоваго полицейскаго. Отсутствіе разумныхъ доводовъ, подтверждающихъ основные догматы христіанства не недостатокъ, какъ это принято обычно думать, а качество, необходимое условіе и залогъ внутренней свободы христіанской церкви.

Поэтому всякое стремленіе, направленное къ отысканію доказательствъ истинъ вѣры помощію логики и разума, всякая попытка замѣнить свободу вѣры принужденіемъ знанія, долженъ быть разсматриваемъ какъ противное самой сущности христіанства, какъ абсолютное непониманіе значенія и смысла свободной Христовой церкви.

Полную противоположность церкви вѣрующихъ въ отношеніи ея внутренней свободы представляетъ собою церковь т. н. «свободомыслящихъ» съ ея матеріализмомъ и атеизмомъ въ качествѣ объединяющаго міросозерцанія. Это міросозерцаніе съ первыхъ же шаговъ стремится быть научнымъ или, когда это не удается, то хотя бы наукообразнымъ. Въ каче-

чествѣ основы допускается лишь то, что можетъ быть доказано помощію логики и здраваго смысла т. е., то, что по самому своему существу является принудительнымъ и не можетъ быть свободно принятымъ или отвергнутымъ. Всякій несогласный съ даннымъ міровоззрѣніемъ не только предается анафемѣ (отлученію), что вполне естественно и понятно, ибо нельзя войти въ духовное объединеніе (церковь) отвергая то, что создаетъ это объединеніе, но и объявляется дуракомъ, безумнымъ, лишеннымъ здраваго смысла и вообще никуда негоднымъ человѣкомъ. При этомъ конечно или упускается изъ вида, или замалчивается, что все человѣческое знаніе, все логически и разумно доказуемое, въ конечномъ счетѣ покоится на постулатахъ, которые берутся на вѣру, какъ непосредственно ощущаемое и которые ни логикой, ни разумомъ доказаны быть не могутъ. Что даже такая точная и щепетильная въ смыслѣ доказуемости своихъ истинъ наука, какъ геометрія Евклида, даже и она всѣ свои доказательства строить исходя изъ ничѣмъ недоказанныхъ, принятыхъ на-вѣру аксіомъ, относительное, а не абсолютное значеніе которыхъ, нынѣ послѣ работъ Лобачевского стало несомнѣннымъ для cadaго.

Можетъ ли быть свобода въ духовномъ союзѣ, гдѣ этотъ духъ вяжется обязательными тяжелыми, какъ кандалы каторжника, земными узами? Какая можетъ быть рѣчь о подлинной свободѣ духа тамъ, гдѣ сравнительно ничтожное поле возможной для него (духа) дѣятельности ограждено нерушимой для разума стѣной матеріальныхъ законовъ тожества и противорѣчія причины и слѣдствія: гдѣ все подчинено, все детерминировано до послѣдней крайности.

Если духъ въ своихъ исканіяхъ подчиненъ разуму и логикѣ, если его дѣятельность ограничена закономъ тожества и противорѣчія и т. д., то это уже не свободный духъ, который дышетъ гдѣ хочетъ, а обычная матеріальная сила — энергія, назначеніе которой вертѣтъ любую машину лишь бы она была построена въ согласіи съ законами физики и механики.

Равнымъ образомъ и союзъ людей, объединенныхъ принудительными истинами знанія, уже не свободный духовный союзъ, а своего рода повинность, общество, куда входъ обязательенъ, а выходъ невозможенъ.

Слѣдовательно истинная и подлинная свобода духовнаго союза людей возможна лишь тамъ, гдѣ нѣтъ и не можетъ быть никакого знанія: гдѣ единственной связью между людьми является свободная неподчиненная разуму и логикѣ вѣра, которая ничего не доказываетъ, ничего и не опровергаетъ: гдѣ заповѣдью служатъ слова Евангелія: «Кто скажетъ брату

своему: рака (пустой человекъ) подлежить синедріону, а кто скажетъ: безумный, подлежить гееннѣ огненной», (Мат. 5. 22): гдѣ послѣдній ставится на мѣсто перваго и гдѣ нищему духомъ обѣщано блаженство, гдѣ нѣтъ ни мудрыхъ, ни глупыхъ, какъ въ союзахъ «знающихъ», а гдѣ равно доступная всѣмъ вѣра дѣлаетъ всѣхъ равными.

Изъ всего сказаннаго мы вправѣ заключить, что церковь вѣрующихъ, если она и отступаетъ отъ своихъ глубочайшихъ основъ абсолютной внутренней свободы, такая церковь не нуждается и не можетъ искать поддержки своего высокаго духовнаго авторитета, покоющагося на свободномъ абсолютно ничѣмъ не вынужденномъ признаніи, ни въ чемъ постороннемъ—ни въ помощи физической силы свѣтской государственной власти, ни въ содѣйствіи разума съ его довольно наивной системой принудительныхъ выводовъ изъ необоснованныхъ, принятыхъ на вѣру посылокъ.

Всякая же иная церковь, всякій иной духовный союзъ людей, объединенныхъ общимъ міросозерцаніемъ, въ основѣ котораго лежитъ не чистая вѣра, а знаніе будучи, по самой своей сущности несвободнымъ, не неся въ себѣ духовнаго авторитета, вытекающаго только изъ свободнаго признанія, лишенный нравственныхъ началъ, ибо гдѣ есть необходимость (пусть даже только логическая) тамъ не можетъ быть и рѣчи о нравственности, такой союзъ всегда долженъ будетъ искать посторонней, внѣшней самому себѣ поддержки съ одной стороны у науки, а съ другой — у свѣтской власти, у ея аппарата физического принужденія. Совершенно забывая, что и авторитетъ науки и физическая сила свѣтской власти, будучи весьма полезными при постройкѣ мостовъ, дорогъ, при прокладкѣ усовершенствованной канализаціи и т. п. «строительства», никакъ непригодны для цѣлей духовнаго единенія общества, для претворенія хаоса его раздробленности въ гармонию живого и сущаго духовнаго единства.

Вотъ почему люди, принадлежащіе къ церкви атеистовъ — безбожниковъ, люди положившіе во главу угла своего союза не вѣру, а знаніе, приходя къ власти и находясь въ полномъ согласіи со своею идеологіей, не могутъ не идти прямой дорогой къ насилію, къ давленію всякой свободы человѣческаго духа, что мы и можемъ наблюдать на цѣломъ рядѣ примѣровъ изъ жизни современныхъ «свободныхъ» и якобы секуляризованныхъ, а на самомъ дѣлѣ чисто конфессіональныхъ государствъ. Всѣ эти государства рано или поздно въ своемъ естественномъ развитіи должны будутъ притти къ тому, къ чему пришелъ русскій большевизмъ, т. е., къ полному отрицанію самой воз-

возможности иного, нежели свое, міросозерцанія, къ безпощадному и дикому подавленію всякаго инакомыслія, всякаго свободнаго сужденія.

На этомъ я и закончу. Тема конечно слишкомъ широка, чтобы ее можно было исчерпать въ краткомъ письмѣ. Но я думаю, что сказаннаго все же будетъ достаточно чтобы понять, что свобода совѣсти это одно, а запрещеніе религіознаго воспитанія въ государственныхъ школахъ — совершенно другое: что «неравнодушіе» къ духовному облику гражданъ хотя бы только будущихъ указываетъ на стремленіе свѣтской власти навязать государству свое міросозерцаніе, быть не только сборщикомъ податей, строителемъ дороги, военачальникомъ и т. п., но и стать духовнымъ пастыремъ народа. Мытарь въ роли духовнаго наставника, духовный вождь, опирающійся на палку полицейскаго — это было бы только смѣшно, если бы не было такъ близко къ современной дѣйствительности

Николай Сарафановъ.

Константинополь.